
ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

За свою сорокадевятилетнюю жизнь Джон М. («Майк» для друзей и коллег) Форд показал себя автором фантастически многогранным. Он сочинял стихи, писал для настольных ролевых игр «Traveller» и GURPS, публиковал книги для детей, выпускал романы. И какие романы! «Сколько за планету?» одновременно комическая опера в духе Гильберта и Салливана и роман во вселенной «Звездного пути». В «Сети ангелов», напечатанной, когда ему было двадцать три, Форд с опережением в несколько лет придумал почти все литературные приемы, которые позже стали ассоциироваться с киберпанком — удивительное достижение для такого молодого писателя. О романе «Дракон не дремлет» я даже говорить не возьмусь; просто прочтите его сами. (Он получил World Fantasy Award в 1984 г.) И, наконец, есть «Люди ночи» или «Школяры ночи».

«Школяры ночи» — это классический британский шпионский триллер эпохи холодной войны, иронический, ибо Майк был американцем до мозга костей. Роман написан в манере забытого мастера этого жанра Энтони Прайса (сейчас лучше помнят Джона Ле Карре, и в романе ему тоже отдана дань уважения, однако в 1980-х самое громкое имя было у Прайса, и он заметно выделяется на фоне Ле Карре и Лена Дейтона). Прайс писал о смертельной игре, которую ведут ученые, историки, школяры ночи, замышляющие измену

и продающие душу спецслужбам. Майк следует за своими героями, Алланом Беренсоном и его учеником Николасом Хансардом, к истокам их профессии — к елизаветинскому драматургу и гуляке Кристоферу Марло, который, как считают, шпионил для сэра Фрэнсиса Уолсингема во время холодной войны между протестантской тюдоровской Англией и католическими Испанией и Францией. Мало того что весь роман представляет собой размышления о блистательной, но рано оборвавшейся карьере Марло, но и сюжет вращается вокруг его утраченной и недавно обнаруженной пьесы; находка приводит к страшной мести, которая может погубить мир. Трагическая история убийц из шестнадцатого века заново разыгрывается в лихорадочной атмосфере восьмидесятых.

«Школяры ночи» впервые вышли в 1988-м. Учитывая тогдашнюю скорость издательского процесса, это означает, что роман, скорее всего, был написан в 1986-м. Если вам меньше пятидесяти, вы толком не помните этот период. (А если вам меньше тридцати, он закончился до вашего рождения.)

В предположении, что вам меньше пятидесяти, я представлю вам идеологический Розеттский камень для мира, в котором разворачивается действие романа. Мира, который теперь кажется таким же фантастическим, как прочие миры Майка.

Давайте настроим нашу машину времени на 1986-й, когда Майк писал про Белую группу и смертельную игру ее аналитиков. Эта книга — послание из полузабытого, озадачивающе чужого мира до ноутбуков, интернета и смартфонов. В этом мире, где было слишком много ядерного оружия и где на улицах стояли телефоны-автоматы, куда опускали монетки, очень страшно жилось, если хоть краем глаза читать ново-

сти. Мы, видевшие падение Берлинской стены уже взрослыми, росли с мыслью, что каждый миг можем стать горсткой пепла или получить смертельную дозу облучения из-за неисправного датчика или сбоя в дипломатической игре «кто первый струсит»; эта детская травма осталась с нами навсегда. Мне тогда снились кошмарные сны, и почти все сверстники, которых я об этом спрашивал, помнят ощущение липкого ужаса напололам с фатализмом. (Учебные тревоги на случай стрельбы в школе и страхи, связанные с глобальным потеплением, возвращают эту травму для младшего поколения.)

Изменились не только технологии и ядерные кошмары. «Школяры ночи» отражают гомофобию и сексизм 1980-х. То было десятилетие, когда антибиотики еще в основном работали, но СПИД означал смертный приговор, а геям приходилось скрывать свою ориентацию — с госслужбы могли за нее уволить.

В 1986-м Рональд Рейган перевалил через середину второго президентского срока. Премьер-министром Великобритании была Маргарет Тэтчер, а Генеральным секретарем коммунистической партии Советского Союза недавно стал Михаил Горбачев. В СССР только-только зазвучало слово «перестройка», в отношениях между сверхдержавами сохранялась напряженность, наступившая после смерти Леонида Брежнева. В ноябре 1983 года натовские учения «Эйбл Арчер» чуть не спровоцировали ядерную войну с Советским Союзом. Затем две сверхдержавы отступили от края пропасти — никто на самом деле не хотел конца света, — но, словно две кошки, сидящие друг напротив друга, обе были начеку и ждали нападения. В 1986-м многие на Западе считали СССР экзистенциальной угрозой, а существование примерно шестидесяти тысяч термо-

ядерных бомб подчеркивало, что обе стороны воспринимают эту угрозу всерьез.

Быть может, самым неожиданным различием между 2021-м и 1986-м станет для путешественника во времени не биполярная макистская политика ядерного противостояния, а то, что *никто не считал победу капитализма неизбежной*. В 1986-м еще существовал глобальный колосс, революционная сверхдержава, которая вместе с государствами-сателлитами и попутчиками вроде Китая представляла треть населения планеты и владела двумя третями земного вооружения. Советский Союз — несостоятельный утопический проект — по-прежнему считал, что указывает путь к светлому будущему. Несмотря на террор и чистки, несмотря на голодоморы и ГУЛАГ, коммунистические государства создавались ради строительства лучшего будущего для человечества, и даже к 1986-му не вся позолота облезла с мощей под украшенной самоцветами риторикой.

Утопические идеалы разом крайне опасны и страшно привлекательны для людей с определенным складом ума. Именно поэтому многие на Западе готовы были сотрудничать с коммунистами ради построения рая для трудящихся. (Эхо этого идеализма слышно и сегодня. Мы все оцениваем политику мерилом, доставшимся нам в наследство от Французской революции — в терминах «правизны» и «левизны», — хотя сама революция умерла через три десятилетия после взятия Бастилии. Кто сегодня может сказать, что дети Ленина не устроят новый Октябрь? И, может быть, со второго раза у них все получится?)

История умеет быстро и безжалостно менять ваши представления о параметрах жизни. После окончания холодной войны в 1989-м и распада СССР в 1991-м

в США воцарилась триумфальная уверенность, что социализм побежден окончательно и бесповоротно. Однако в то время, о котором идет речь, эта победа вовсе не казалась предрешенной. Нам так же трудно представить настроения 1986-го, как мир до ковида или Одиннадцатого сентября.

Что возвращает нас к попытке заново оценить «Школяров ночи». Это многослойная книга: на поверхности — захватывающий шпионский триллер и трагедия загробной мести. Однако на другом уровне это комментарий к губительным играм ученых, играм, которые выплескиваются в реальную жизнь (и смерть), когда игроки берутся работать на спецслужбы. Игра очень, очень стара — в нее играл еще Кристофер Марло. Диссидентствующие вольнодумцы запирают двери и принимают двигать человеческие жизни, как фишки, и вневременная природа игры отражается в лабиринте зеркал от 1580-х до 1980-х.

Читайте эту книгу как памятник ушедшей эпохе или как одну из самых загадочных научно-фантастических трагедий Майка. Оба прочтения хороши.

АКТ ПЕРВЫЙ

СМЕРТЬ
СОКРАТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФАУСТ ОБРЕЧЕН ПРОКЛЯТЬЮ

Но вечное движенье звезд все то же...
Мгновения бегут, часы пробьют,
И дьяволы придут, и обречен
Проклятью Фауст!*

— «Доктор Фауст»,
акт V, сцена 2

Николасу Хансарду некуда было бежать. Он смотрел в глаза последнему Йорку и понимал, что Ричард, герцог Глостерский, в стремлении к трону не остановится ни перед чем. Герцог обнажил кинжал, и у него двадцать отменных бойцов, так что сопротивление бесполезно. Однако, возможно, выход еще есть...

— Вам невыгодно меня убивать, ваша светлость, — сказал Хансард.

— Почему?

Хансард подавил улыбку. Ричард имеет обыкновение действовать сгоряча. Убедить его промедлить — значит наполовину выиграть битву, если не войну.

— Потому что мне есть что дать вам, ваша светлость. Богатство. Дома, где вы получите кров и пищу...

— Все это так и так достанется мне.

— Золото, камни, да. Но люди в этих домах? И снаружи? В одном из моих домов лежит договор со ста

* Перевод Н. Амосовой (с изменениями).

бургундскими арбалетчиками и пятьюдесятью конными копейщиками.

— Они будут сражаться за меня, если я им заплачу.

— Разумеется. Как и за всякого, кто им заплатит. Увы, с моей смертью договор перейдет к... к другому лицу, у которого есть средства платить наемникам.

— Ты пытаешься меня шантажировать ради спасения своей жизни.

— Не худшая причина.

— Тоже верно, — сказал Ричард. — Но лучше отряд вероломных бургундцев в качестве противников, чем вероломный союзник в вашем лице. Я вас убью.

— Бога ради, Рич.

— Молитвы не помогут, профессор Хансард. Вы убиты.

— Вы в своем амплуа, Рич. — Хансард встал из-за стола и снял фигурку с игрового поля. — О'кей, я убит, я проиграл.

Он взял стопку карт со своей стороны стола и протянул Ричарду Сирсу. Двадцатиднолетний герцог Глостер был в черных джинсах и футболке Валентайн-колледжа с надписью «Держай!».

— Все мое движимое имущество и поместья. — Хансард взял еще одну карту и положил перед другим игроком. — Однако бургундцы переходят к леди Анне.

Анна Романо, наследница Ланкастеров (магистрантка, худенькая миниатюрная брюнетка с короткой стрижкой), взяла карту, представляющую наемников, и добавила к стопке своих войск.

— Спасибо, профессор. Мы будем молиться об упокоении вашей души.

— Не говори о себе «мы», пока тебя не короновали. — Ричард вновь опустился в кресло. — Я думал, профессор блефует насчет бургундцев.

Хансард повернулся к четвертому игроку, Полу Огдену. Семнадцатилетний Пол только что закончил школу и осенью должен был приступить к занятиям в Валентайн-колледже.

— Итак, Пол, теперь мы имеем классический эндшпиль с тремя участниками, в котором у обоих королевских домов есть сильная поддержка, а третий участник — вы — контролирует парламент. Что вы думаете?

— Я думаю, что хочу пива, — сказал Пол.

Остальные студенты рассмеялись, а Хансард серьезным тоном спросил:

— Так сильно хотите, что готовы ради пива признать поражение в игре?

— Что? — спросил Пол. — А, понял. Как канцлер Англии я могу созвать парламент и поставить вопрос о престолонаследии. И у меня довольно голосов в обеих палатах, чтобы провести свое решение. Однако я могу обеспечить выигрыш либо Анне, либо Ричу, но не могу выиграть сам.

— Продолжайте. — Хансард взъерошил свои белокурые волосы и почесал острый подбородок.

— Чтобы выиграть самому, мне нужен серьезный наследник помимо этих двоих... на что уйдут годы. Я имею в виду часы.

— «Годы» — нормально, — сказал Хансард. — Думайте о годах и о месяцах, не о раундах.

Ричард сказал:

— Вот почему мы разыгрываем эти сцены, а не просто говорим: «Я убил твоего персонажа и забираю карту». Если не думать о том, как мог рассуждать реальный человек в твоей ситуации, это будет просто «Делатель королей» с некоторыми дополнительными правилами.

Пол сказал: